

Научная статья
УДК 002(07)
doi: 10.17223/26188422/13/9

Читатель газет, журналов и книг за Уралом: очерк становления

Валерий Вениаминович Пугачев

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия, walp1@yandex.ru

Аннотация. Анализируются социально-исторические и культурные предпосылки становления читающей публики в Сибири. В качестве ключевого фактора этих процессов называется утрата монополии дворянства на культуру во второй половине XIX в.: мещанское сословие, получив предоставленное государством образование, выдвигает в художественную и профессиональную среду самых талантливых и толковых. Школьное образование, массовые библиотеки помогают мещанам достигать новых высот. Ссылка в Сибирь повстанцев-дворян и поверженных поляков разбудит континентальную Сибирь и создаст новые очаги массового просвещения.

Ключевые слова: книжная культура, мещанское сословие, просвещение окраин, деревенские школы, массовые библиотеки, сибирская каторга, газеты и книги за Уралом

Для цитирования: Пугачев В. В. Читатель газет, журналов и книг за Уралом: очерк становления // Вопросы журналистики. 2023. № 13. С. 140–155. doi: 10.17223/26188422/13/9

Original article
doi: 10.17223/26188422/13/9

A reader of newspapers, magazines and books beyond the Urals: An essay on becoming

Valeriy V. Pugachev

Bashkir State University, Ufa, Russian Federation, walp1@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the socio-historical and cultural prerequisites for the formation of the reading public in Siberia: the migration of peasants and the rapid growth of cities in the second half of the 19th century, the rapid growth of the bourgeois class and its cultural demands; the opening of new educational institutions

and libraries that introduced the broad masses to reading; the construction of the railway; the cultural influence of the exiled Decembrists and Polish insurgents in Siberian cities. The special role of Aleksey Suvorin, the largest publisher of inexpensive printed products, and Professor Osip Senkovskiy, the editor of the first Russian mass “thick” magazine *Biblioteka dlya chteniya* [Library for Reading]. All this together leads to the loss of the noble’s monopoly on culture, when the bourgeoisie, having received an education provided by the state, puts forward the most talented and intelligent into the cultural and professional environment. The data of pre-revolutionary statistics and provincial commemorative books are used as the research material.

Keywords: book culture, bourgeoisie, education of suburbs, village schools, mass libraries, Siberian penal servitude, newspapers and books beyond the Urals

For citation: Pugachev, V. V. (2023) A reader of newspapers, magazines and books beyond the Urals: An essay on becoming. *Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies*. 13. pp. 140–155. (In Russian). doi: 10.17223/26188422/13/9

Историки проделали громадную работу по описанию новых сибирских территорий и новых губерний Российской империи. Мы ставим несколько иную задачу, междисциплинарную: пользуясь историческими достижениями и государственной статистикой, проследить рождение мещанского сословия в городах России и в Сибири. Этот социальный слой стал питательной средой для появления городской культуры – многоуровневой, многонациональной, многоконфессиональной. Его основой стала книга, школьное образование и чтение. Чтобы увидеть масштаб и значение поставленной задачи, мы должны вспомнить крупнейших издателей XIX в., начавших приучать к чтению нестоличную, провинциальную, уездную и деревенскую Российскую империю. Отечественные исследователи начали эту работу еще на рубеже XIX–XX вв. [1, 2]. В первые годы после 1917 г. шло тщательное изучение как книги, так и читателя, открытием для читателей страны были книги М. Н. Куфаева, М. И. Слуховского, М. А. Смушковой, Н. Я. Фридьевой, Я. М. Шафира, Е. И. Хлебцевич [3–8]. Учеными-библиографами тщательно изучается пропущенный по объективным причинам громадный массив из жизни книги и русского читателя [9–12].

Чтение шло рядом с реформой образования, открытием деревенских двухклассных училищ и разного рода библиотек. Значимыми вехами в распространении навыков чтения стала высылка семей декабристов в континентальную Сибирь. Вторым толчком послужила высылка польских патриотов после восстаний. Они тоже ехали под

надзор жандармов на поселение в Сибирь. Третий этап был более естествен, он был связан с освобождением крестьян в 1861 г. Семьи крестьян могли теперь переселяться на свободные земли за Уральскими горами, обзаводиться собственными хозяйствами. И очень важным решением для образования и чтения стала реформа образования в конце XIX в. Все это вело к росту населения и развитию городов и появлению новых населенных пунктов за Уральскими горами.

Алексей Суворин был крупнейшим поставщиком недорогой печатной продукции. Только И. Д. Сытин мог соперничать с А. С. Сувориным в размахе хорошо поставленного дела. Книги А. С. Суворина читала вся Россия. Одним из главных дел жизни Алексея Сергеевича было издание календарей-ежегодников, с 1872 г. он начинает выпускать универсальный по содержанию «Русский календарь», который сразу получает признание читательской аудитории, не избалованной интересными, универсальными по содержанию книгами. В России в это время издавалось множество универсальных и тематических по содержанию календарей. Выпускались профессиональные, для разных возрастов, на национальных языках. Календарь был книгой для чтения и получения новых сведений о мире, странах и народах для тех, кто еще не подозревал, что существуют энциклопедические издания.

Суворин знал, для кого он издавал свои книги. Последняя четверть века отмечена бурным ростом городов России. Начинается миграция населения из деревень в малые города, из малых городов – в губернские, а оттуда – в столицы. Города растут на глазах, в них выстраиваются все новые и новые кварталы. Расширяются и предместья, растут дома в кварталах новых усадеб. Уезжает и начинает новую городскую жизнь в основном деревенская молодежь. Москва и Санкт-Петербург принимали самых амбициозных, дерзких, сильных и талантливых. Вчерашние молодые крестьяне становятся основой и питательной средой на глазах стремительно развивающегося городского мещанского сословия. Растущая экономика практически всех городов империи требовала все больше рабочих рук. Городская жизнь захватывает их своей широтой, многообразием и интересами.

В Петербурге в 1905 г. жило 1 317 885 человек жителей, в том числе мужчин 720 956, женщин 596 929. Дворян потомственных и личных среди них было 132 230 человек, мещан – 268 869, крестьян – 745 905, купцов в столице проживало 17 411 человек, духовенства –

7 697. На каждого столичного аристократа, дворянина, жителя столицы приходилось девять человек неаристократического происхождения. Они становятся стовым хребтом деловой и экономической жизни столицы, а со временем и всей империи. Сам Санкт-Петербург демонстрировал динамично развивающейся стране новые реалии современной жизни.

В Москве в 1902 г. проживал 1 167 671 житель, это был второй по численности город Российской империи и первая ее столица. Так сложилось, что в отечественной истории и литературе хрестоматийный образ Москвы был скорее купеческим, считалось, что науки были сосредоточены в европейском и академическом Петербурге.

Всё знающая российская дореволюционная статистика сохранила сведения о том, что во второй столице для москвичей, граждан простого происхождения были открыты многочисленные просветительские центры, народные дома. Такой дом и народная чайная были на Тишинке, на Трубной площади, на Сухаревской площади, на Бутырке, на Немецком рынке в Лефортово, в Даниловской слободе, у Дорогомиловской заставы возле Брянского вокзала, народная чайная работала на Смоленском рынке. На Хитровом рынке работала народная столовая и такая же была на Садовнической улице. В народном доме, как правило, предполагалось чтение посетителями небольшого имеющегося здесь набора книг и бесплатных доступных газет.

В Москве в начале XX в. успешно давали образование всем желающим 926 учебных заведений самого различного типа. Это был и Императорский Московский университет с 4 462 студентами мужского пола. В Лазаревском институте получало образование 386 слушателей мужского пола. В Арнольдском училище для глухонемых получали образование 101 ученик мужского пола и 64 женщины. На курсах бухгалтеров, счетоводов, каллиграфов, а их было более 20, обучались 424 мужчины и 52 женщины. 517 женщин обучались на педагогических курсах. В школе мукомолов получали профессию 57 мужчин. Так получилось, что система образования России была обращена преимущественно к представителям сильного пола. В Императорском Московском техническом училище (Бауманском) было 1 029 студентов мужского пола. Зато в Московской консерватории было равноправие, здесь числилось 256 мужчин и 328 женщин. В Московском музыкально-драматическом училище учились 154 слушателя мужского пола и 278 женщин. Всего во второй столице

в этих учебных заведениях обучалось 51 908 мужчин и 40 822 женщины [13]. Вместе с народными домами и чайными, столовыми эти учебные заведения для молодых россиян стали непростым и сознательно выбранным путем в новую жизнь, в новую, образованную Россию. Эти новые учебные заведения и рекрутировали самых талантливых, целеустремленных и толковых вчерашних селян, желающих начать новую жизнь.

Постепенно становилось реальностью и необходимостью женское образование, статистика показывает картину появления женщин среди слушателей курсов и студенток учебных заведений. Вот они стали читателями не просто книг, беллетристики, женских романов, но и профессиональных, научных изданий всех типов. Они станут покупателями продукции А. С. Суворина, И. Д. Сытина, А. Ф. Смирдина, братьев М. В. и С. В. Сабашниковых и других русских издателей. Они вдумчиво читают зарубежную литературу. И это новое умение чтения со временем перейдет к их детям как наследуемая часть семейной культуры. Это был первый кирпичик в фундаменте отечественной недворянской массовой культуры.

Вчерашние селяне стали всегдатыми театральных галерок, концертов популярных певцов, знаменитых хоров. Они догоняют то, что для них было много лет недоступно. У них появляется неизвестный для деревни досуг, свободное время. Вчерашние крестьяне в городских условиях быстро социализируются и находят свое место, они не гнушаются никакой работы, и работодатели часто предпочитают их коренным горожанам. Переехав на новое место, всеми привычками они еще продолжают жить в родной деревне. И при первой возможности посещают свою малую родину и не забывают родные могилы. Но дети их уже растут горожанами. Они получают доступное для их сословия образование, которое в это время становится намного ближе к ним и демократичнее для простых россиян после известной реформы 1870 г. и создания многоуровневой универсальной школьной системы европейски развитого государства с богатой, исторически сложившейся культурой и продуманной системой образования.

Эта коренная перестройка образования приблизила школу ко всем слоям населения, в деревнях открываются церковно-приходские и земские школы, в мусульманских регионах – медресе. Здесь программа обучения включала и светские общеобразовательные предметы, они давали ученикам не только знания Корана, но и русской и нацио-

нальной грамоты, арифметики, знания о мире и природе. Одной из важной норм реформы российского образования становится жестко фиксированное расстояние, больше которого не должен от дома до школы пройти сельский школьник.

Теперь выходцы из деревень становятся не только горожанами, но и читателями. Родителям периодически, может, и систематически, приходится контролировать выполнение уроков детьми, и такое вот сидение рядом за столом и визуальное наблюдение за выполнением уроков постепенно вело к элементарной грамотности. Слушая чтение вслух текстов в исполнении сына или дочери из учебной книжки Вахтерова, они открывали для себя и запоминали хрестоматийное двустишие: «Птичка божая не знает ни заботы, ни труда». Это еще не было открытием литературы, красоту литературы детям в школе прививал учитель, дети помогали родителям открыть тайну печатного слова и нового мира под названием «Литература». Трудно утверждать, что все они становятся поголовно покупателями книжных лавок, книга стоит пока достаточно дорого. Но лед тронулся. Только знание дает личную свободу. Так рождалась новая Россия.

Суворинская газета «Новое время», которую он купил вместе с В. И. Лихачевым в 1876 г., имела в лучшие времена 35 тыс. читателей, в то время как правительственные «Санкт-Петербургские ведомости» имели 3 000 экземпляров [14. С. 894–896]. А. С. Суворин вместе с другими издателями России не только просвещает, но и социализирует своих современников, включает в оборот их знаний новые сведения и знания, которые со временем станут убеждениями, до того времени для них недоступными. Мы отчетливо видим, что календари и книги издателя сначала обучают чтению, потом прививают вкус к печатному слову и литературе. Следующий шаг чтения как объективного человеческого навыка – это умение думать, сопоставлять, анализировать. Это величайшая победа книги и ее издателя – учить людей думать и определять только свое место в этом мире. А. С. Суворин сделал все, чтобы повседневное чтение беллетристики и справочной литературы, газет стало привычкой для обычных людей. Так чтение и любовь к литературе постепенно перестают быть привилегией дворян, чиновников разных уровней, купцов и священнослужителей.

Процесс миграции внутри Российской империи уже начался, и деревенские дети начинают переселяться в города, они постепенно осваивают самые отдаленные восточные сибирские и дальневосточ-

ные губернии, где они собирались строить совсем другую жизнь. Правительство России на основе точных расчетов для переселенцев на долгое время отменяло в континентальной Сибири налоги, чтобы переселенцы смогли закрепиться на новом месте. Не случайно, что железнодорожное строительство в заволжской России и за Уралом активизируется именно в это время. Подъем экономики требовал новых рабочих рук все в большем количестве, а отсутствие дорог тормозило поступательное развитие промышленности этих территорий. В разные стороны от столиц и крупных экономических центров прокладываются многочисленные линии железных дорог. И по пути строительства возникали новые заводы по производству шпал, специальных гвоздей, костылей, цемента и кирпича, по строительству и ремонту подвижного состава и вагонов. Новые рабочие из деревень становились железнодорожниками разных профессий. Вырастают целые улицы в городах около вокзалов, на которых жили машинисты, кондукторы, кочегары паровозов, работники железнодорожных станций и вокзалов. В местных газетах появляется новый информационный жанр – железнодорожное пассажирское расписание поездов и пароходов, следующих через этот город.

Крупнейшая железная дорога вела на восток и в начале XX в. соединит столицы и европейскую часть страны с тихоокеанским побережьем. А. С. Суворин становится одним из первых концессионеров, который откроет на станциях новых железных дорог так называемые «лари», книжные и газетные киоски. Один из первых таких «ларей» откроется на железнодорожной станции «Вязовая» тогдашней новой Самаро-Златоустовской железной дороги. Книжки и газеты отправлялись из столиц по новым неведомым маршрутам вслед за новым поколением читателей. Вся страна пришла в движение, и издатель чутко уловил эти перемены.

При типографии «Нового времени» для детей сотрудников предприятия и просто желающих получить очень престижную тогда профессию полиграфиста существовало собственное училище печатного дела. В нем подростков обучали четыре года и принимали в слушатели только при предъявлении свидетельства об окончании начального училища. Здесь курсантам давали курс немецкого и французского языков, и они проходили «систематические курсы теории и практики наборно-типографского дела». Обучение, учебники и форменные блузы учащиеся получают от владельца типографии А. С. Суворина, а по

истечении четырех испытательных месяцев они, кроме того, начинают получать небольшое жалованье, постепенно, с успехами в учебе, увеличивающееся. С основания училища полный курс его окончили 113 человек, из которых большая часть работает в типографии «Нового времени» [15. С. 361–362]. Занятия с курсантами проводили пять преподавателей, профессионально владеющих основами профессии. Начальная зарплата у выпускников в типографии была после окончания от 35 до 150 руб. – очень немалые деньги. Рабочие-полиграфисты и технические работники типографий издательств по тем временам были не только образованными, но и сравнительно обеспеченными людьми.

Издатель и редактор А. С. Суворин в своем училище выступал в роли социально ответственного предпринимателя, как тогда говорили, капиталиста, создающего элиту рабочего класса столицы и России, образованных и профессионально подготовленных рабочих-полиграфистов, нового поколения горожан, читателей, участвующих сознательно в создании и потреблении продуктов общественного мнения. Они приобщены к созданию книг, газет, журналов, принимая участие в их выпуске, они одновременно были и их читателями. Их продукция становилась инструментом, трансформирующим сознание и уровень не только их создателей, но и целого поколения читающих современников. И трудно сказать, что кто-то из этих образованных ребят не станет репортером или публицистом, издателем, а возможно, и писателем.

Культура, а чтение является ее стовым хребтом, постепенно перестает быть монополией дворян, сюда постепенно рекрутируются молодые горожане недворянского происхождения. Мещане становятся не только активными потребителями, читателями произведений дворянской культуры, но и постепенно становятся авторами и создателями новых произведений, новой сословной культуры, а позже и национальной культуры. Так постепенно завершается дворянская монополия привилегированного класса на роль создателей и хранителей произведений культуры и искусства, мы уже видим в роли авторов наиболее талантливых выходцев из мещанского городского сословия и крестьян. Литературное творчество перестает быть тайной для талантливых выходцев из недворянских сословий [16].

Одним из первых на пути создания массовой журналистики в России был профессор Санкт-Петербургского университета О. И. Сен-

ковский, он редактировал журнал «Библиотека для чтения». Это был первый в России журнал для всех, и это был первый в истории России профессор истории, сумевший сделать популярный и интересный журнал. Доказательством востребованности журнала может служить его тираж, он доходит до 7 000 экземпляров. С тиражом журнала И. Сенковского не могло тогда сравниться ни одно российское издание такого типа. Только журнал «Нива» издателя А. Ф. Маркса впоследствии повторит историю «Библиотеки для чтения». Журнал делал в российской провинции свою просветительскую работу. Он расширял знания о России, мире, о литературе. Он продолжал настойчиво и последовательно социализировать своих читателей [9].

В качестве примера мы возьмем самую обычную петербургскую библиотеку-читальню с Лиговской стороны, где жили преимущественно рабочие люди. Это было обычное предместье Санкт-Петербурга, и его намного лучше знали полицейские чины. В читальне в 1905 г. насчитывалось 2 403 сочинения в 4 003 томах. Из них 378 книг были посвящены богословию, 141 том по истории России и стран мира, географии и путешествиям посвящалось 137 книг, по естествознанию здесь насчитывалось 282 тома, 1 355 книг представляли словесность, «разного содержания и изданий правительства» – 110. Библиотека выписывала 14 газет и журналов. Это был стандартный репертуар книг и периодики для такого типа библиотек. В 1900 г. здесь выдано 2 894 экземпляра газет и журналов, в 1901 – 4 029, в 1902 – 5 117, в 1903 – 6 532, в 1904 – за полгода 3 490. За четыре с половиной года библиотеку посетило 22 122 человека местного населения. Из них крестьян и мещан было 18 707, 3 418 – представителей других сословий. Среди читателей было 5 454 взрослых, 6 900 – несовершеннолетних (от 15 до 21 года), детей было среди читателей (от 10 до 15 лет) 9 768 человек [17]. Можно только представить, какую созидательную работу проделали прочитанные книги в головах и сердцах читателей этой библиотеки.

В Москве в 1907 г. работает народный университет с четырьмя отделениями: литературным, юридическим, естественнонаучным и медицинским. Журнал «Для народного учителя» сообщает, что «...в первом семестре намерены прочитать 12 двухчасовых лекций по русской литературе и девять по иностранной; во втором семестре – 14 лекций – по русской литературе и 6 по иностранной». Для кого читались эти лекции, можно понять из стоимости лекции в этом уни-

верситете. Рабочие должны были платить по 5 коп. за часовую лекцию. Слушатели литературного отделения за весь курс лекций 82 часа платили 4 руб. 10 коп. без скидки. На первую лекцию в Политехническом музее пришло 900 человек.

Работа, которую вели А. С. Суворин и И. Д. Сытин, братья М. В. и С. В. Сабашниковы, не осталась без последствий, приобщение к чтению и любовь к литературе привели к созданию таких форм народного образования. Вот интересные сведения из московской статистики начала XX в.: «Главный инспектор по надзору за типографиями и книжной торговлей составил отчет о числе учреждений, находящихся в его ведении. Частных типографий в Москве оказалось 169, казенных – 31, словолитен и складов – 103, фотографий – 63, фотографических заведений – 43, книжных магазинов и лавок – 552, публичных библиотек – 64, народных читален – 70, множительных аппаратов в распоряжении частных лиц и общественных учреждений – 591» [18. С. 742]. Под множительными аппаратами в начале того века понимались пишущие машинки. Для нас в этих сведениях очень важно все, но особое место занимают книжные лавки и магазины, а также общественные библиотеки и народные читальни. И число их было немалым.

В сибирских губерниях большое влияние на качество населения оказывали переселенцы из европейской части империи. Самым первым крупным таким десантом образованных людей за Урал была каторжная ссылка мятежного поколения столичных аристократов, вышедших в знак неповиновения политике императора на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 г. Главных зачинщиков быстро осудили и бесславно повесили, остальным без права выбора предложили избрать для дальнейшего проживания континентальную Сибирь. С высоты нашего времени мы видим и трагедию страны, личную трагедию этих людей. За Урал, в неразбуженные протестными идеями места, приехали образованные люди с громадными библиотеками и со славой героев, отчаянных людей, рискнувших выступить против царя и всемогущей власти. И чем больше власть в лице местных жандармов и полицейских приставов старалась ограничить их свободу и влияние на местное население, минимизировать контакты с простыми людьми, тем больше рос их авторитет, влияние на местные социальные процессы. Они были интересны сибирякам как поверженные люди, но непобежденные герои. Это была не последняя сокрушительная победа самодержавия.

Декабристы посеяли в Сибири удивительные семена просвещения, доказательством могут служить редкие фонды библиотек. В хранилище редких книг Томского университета в витринах можно видеть книги с автографами Н. В. Гоголя, А. С. Пушкина, подаренные знаменитому цензору А. В. Никитенко. Здесь же хранится и каталог таких книг. Эти книги приехали сюда долгим путем почтовыми лошадьми в семейных библиотеках декабристов.

Ехали сюда крестьяне из безземельных регионов России, оставались на постоянное проживание политкаторжане после окончания срока ссылки. Все они были вынуждены адаптироваться и начинать новую страницу жизни с чистого листа. И все они, сами того не подозревая, меняли качественную структуру местного населения. Если в Томск и Иркутск и другие города ехали высланные участники декабрьских событий в Санкт-Петербурге в декабре 1825 г. и для этих городов это было печальным, но значительным историческим событием, так как из столицы высылались образованные и пассионарные граждане со своими взглядами на мир, на жизнь.

Второй этап правительственного просвещения Сибири начинается на излете первой половины XIX в. Власть даже не могла предположить последствий, своими руками подписывая списки на переселение польских бунтовщиков. Можно осудить людей за их взгляды, политический выбор, ограничить свободу и общение. Но нельзя отнять умение мыслить. Вслед за ними поехали книги, журналы, газеты, которые там начнут новую жизнь. Печатное слово власти неподсудно, оно живет только для читающего. Так появятся центры польской культуры. «Значительную долю получаемого составляла политическая литература, и прежде всего газеты и журналы. Декабристы читали номера “Москвитянина”, “Современника”, “Debats”, “La Press”, “La Russ”, “Allgemeine Zeitung”, “Die Gegenwart” и др., причем интерес к периодике заметно возрастал в период бурных внутренних и внешнеполитических событий» [10. С. 231].

Начиная с 1830 г. (1831, 1848, 1849, 1863 гг.) после всех европейских революций и польских восстаний правительство по только ему понятной логике начинает переселять активных участников сопротивления, замеченных в незаконопослушном отношении к власти. «Если русские поселенцы из великороссийских губерний, сосланные в Сибирь за обыкновенные уголовные преступления, принесли немало вреда тем обществам, которые волей или неволей приняли их в

среду свою, то поляки, наоборот, водворившись в районе Тобольской губернии, в значительной степени содействовали цивилизации и промышленности среди обывателей. Молодежь, получившая образование в учебных заведениях империи, занималась преподаванием наук молодому поколению тоболяков, приготавливая их к поступлению в гимназию или на государственную службу: люди же пожилые, избрав торговые или промышленные занятия, открывали магазины галантерейных вещей, устраивали гостиницы, столовые или молочные лавочки, или же наконец, мастерствами сапожными, токарным, слесарным или шорным, вполне и добросовестно удовлетворяли потребность местного населения» [19. С. 50]. Поляки быстро адаптировались в местных условиях, к своим традиционным окончаниям в сугубо национальных фамилиях они стали добавлять русские. Так здесь появились Зарембовы, Огрызковы, совсем недавно бывшими панями Зарембами и Огрызками.

В Тобольской губернии, одной из самых продвинутых в науках и экономике сибирских территорий, в это время работало 299 школ всех уровней, из них в губернском городе было 14 учебных заведений, 33 – в окружных городах и 252 находились в отдаленных округах края. В 1882 г. в этих школах обучалось 9 722 ученика обоего пола, 3 790 – в городах. В 1880 г. здесь насчитывалось 205 сельских школ. Эта часть истории Тобольской сибирской глубинки похожа на историю многих очень далеких от столиц континентальных губерний. Школьные знания через короткое время вернутся новыми открытиями, новым качеством жизни, иным, непровинциальным гражданским сознанием.

Это начинает заметно влиять и на качество общественного мнения. Все это вместе взятое расширяло границы возможностей российского мещанского сословия, увеличивало конкурентную способность на рынке труда и общественных амбиций. Они уже не только торговали в лавках и на рынках, были не только мелкими ремесленниками, но и приходят чиновниками в городские и губернские присутствия, делают карьеру. И свою судьбоносную роль в их жизни играло чтение, первые городские читальни. «...В губернском городе Тобольске публичная библиотека открылась только в начале 1859 г. Она была единственной в крае частной публичной библиотекой. Плата в ней за годовой абонемент составляла 11 руб., и 2 руб. вносились подписчиками в залог. По сравнению с библиотеками столичных городов или

Иркутска, где аналогичная плата равнялась 20 руб., библиотека в Тобольске была доступнее. Однако подписная цена за право пользования ею была выше, чем в библиотеках, возникших в 1860–1861 гг. в Омске, Ишиме, Кузнецке, Канске, в которых она равнялась 3 руб. 60 коп. – 7 руб. Поэтому... воспользоваться книгами тобольской библиотеки из-за высокой цены могли немногие» [11. С. 160]. Приведенные тарифы пользования теми библиотеками принципиально важны, потому что в сопоставимых ценах эти суммы для простых людей были довольно значительными.

Следующим шагом эволюционного роста мещанства станет открытие для них дверей в губернские учительские институты и реальные училища, в учебные заведения системы высшего профессионального образования. Теперь горожане из этого сословия готовы занять вакансии на всех уровнях государственной жизни. Но это вскоре станет сюжетной историей для пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад».

Эту статью нам помогли написать все фиксирующая и запоминающая российская статистика и губернские Памятные книги. Приведенные в них данные работают во все времена на историческую логику даже без авторского комментария. Главный вывод из всего здесь сказанного – Российская империя уверенно шла к покорению вечных задач диалектического развития многонационального, многоконфессионального государства. И мы видим, что это стало реально возможным благодаря системе просвещения и всемерному распространению книги.

Список источников

1. Что читать народу? : критический указатель книг для народного и детского чтения / сост. учительницами Харьков. частной жен. воскрес. шк. Х. Д. Алчевской, Е. Д. Гордеевой, А. П. Грищенко [и др.] : в 3 т. СПб., 1884–1906.
2. Рубакин Н. А. Этюды о русской читающей публике. СПб., 1895. 246 с.
3. Куфаев М. Н. История и книговедение : (Речь учен. библиографа М. Н. Куфаева при закрытии Курсов книговедения 9 марта 1924 г.). Л., 1924. 10 с.
4. Слуховский М. И. Книга и деревня. М. ; Л., 1928. 231 с.
5. Смушкова М. А. Первые итоги изучения читателя. М. ; Л., 1926. 40 с.
6. Фридыева Н. Я. К вопросу об изучении читателя // Красный библиотекарь. 1925. № 2.
7. Шафир Я. М. Изучение типического читателя // Книгоноша. 1924. № 46.

8. Хлебцевич Е. И. Массовый читатель и книга // Труды Второго Всероссийского библиографического съезда. М., 1929.
9. Щербакова Г. И. Споры о зарождении русской массовой журналистики. М., 2004. 238 с.
10. Бауск О. В. Круг чтения ссыльных тобольских декабристов // Ссылные декабристы в Сибири. Новосибирск, 1985.
11. Куприянов А. И. Чтение и его роль в досуге горожан Западной Сибири в первой половине XIX века // Русская книга в дореволюционной Сибири. Распространение и бытование. Новосибирск, 1986.
12. Пугачев В. В. История книгоиздательской деятельности. 2-е изд., перераб. и доп. Уфа : РИЦ БашГУ, 2011. 156 с.
13. Справочная книга Московской губернии за 1904 г. М., 1904.
14. Энциклопедический словарь Брокгауза – Ефрона. СПб., 1901. 62-1 полутом.
15. Исторический вестник. СПб., 1906.
16. Савелов Л. Дворянское сословие в его бытовом и общественном значении. 2-е изд. М., 1907. 18 с.
17. Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии. СПб., 1905.
18. Исторический вестник. СПб., 1908.
19. Памятная книжка Тобольской губернии. Тобольск, 1884.

References

1. Alchevskaya, Kh.D. et al. (1884–1906) *Chto chitat' narodu?: kriticheskiy ukazatel' knig dlya narodnogo i detskogo chteniya* [What should people read?: a critical index of books for popular and children's reading]. In 3 vols. St. Petersburg.
2. Rubakin, N.A. (1895) *Etyudy o russkoy chitayushchey publike* [Essay on the Russian reading public]. St. Petersburg.
3. Kufaeв, M.N. (1924) *Istoriya i knigovedenie: (Rech' uchen. bibliografa M. N. Kufaeва pri zakrytii Kursov knigovedeniya 9 marta 1924 g.)* [History and book science: (Speech of the bibliographer M.N. Kufaeв at the closing of the Book Science Courses on March 9, 1924)]. Leningrad: [s.n.].
4. Slukhovskiy, M.I. (1928) *Kniga i derevnya* [The book and the village]. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
5. Smushkova, M.A. (1926) *Pervye itogi izucheniya chitatelya* [The first results of the study of the reader]. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
6. Frid'eva, N.Ya. (1925) *K voprosu ob izuchenii chitatelya* [On the issue of studying the reader]. *Krasnyy bibliotekar'*. 2.

7. Shafir, Ya.M. (1924) *Izuchenie tipicheskogo chitatelya* [Study of a typical reader]. *Knigonosha*. 46.

8. Khlebtsevich, E.I. (1929) *Massovyy chitatel' i kniga* [The mass reader and the book]. In: *Trudy Vtorogo Vserossiyskogo bibliograficheskogo s'ezda* [Proceedings of the Second All-Russian Bibliographic Congress]. Moscow: Gosudarstvennaya tsentral'naya knizhnaya palata RSFSR.

9. Shcherbakova, G.I. (2004) *Spory o zarozhdenii russkoy massovoy zhurnalistiki* [Disputes about the origin of Russian mass journalism]. Moscow: Reglant.

10. Bausk, O.V. (1985) *Krug chteniya ssyl'nykh tobol'skikh dekabristov* [Reading circle of exiled Tobolsk Decembrists]. In: Derevyanko, A.P. Mamsik, T.S. & Pokrovskiy, N.N. *Ssyl'nye dekabristy v Sibiri* [Exiled Decembrists in Siberia]. Novosibirsk: Nauka.

11. Kupriyanov, A.I. (1986) *Chtenie i ego rol' v dosuge gorozhan Zapadnoy Sibiri v pervoy polovine XIX veka* [Reading and its role in the leisure of the citizens of Western Siberia in the first half of the nineteenth century]. In: Dergacheva-Skop, E.I. (ed.) *Russkaya kniga v dorevolutsionnoy Sibiri. Rasprostraneniye i bytovaniye* [Russian book in pre-revolutionary Siberia. Distribution and existence]. Novosibirsk: GPNTB.

12. Pugachev, V.V. (2011) *Istoriya knigoizdatel'skoy deyatel'nosti* [History of book publishing]. 2nd ed. Ufa: Bashkir State University.

13. Penkin, B.N. (ed.) (1904) *Spravochnaya kniga Moskovskoy gubernii za 1904 g.* [Reference book of Moscow Province for 1904]. Moscow: Gubernskaya Tipografiya.

14. Brockhaus, F.A. & Efron, I.A. (1901) *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza – Efrona* [Brockhaus-Efron Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg: Semenovskaya Tipolitografiya.

15. *Istoricheskiy vestnik*. (1906).

16. Savelov, L. (1907) *Dvoryanskoe soslovie v ego bytovom i obshchestvennom znachenii* [The nobility in its everyday and social meaning]. 2nd ed. Moscow: Tov-vo “Pechatnya S.P.Yakovleva”.

17. Shaposhnikov, N.V. (1905) *Pamyatnaya knizhka Sankt-Peterburgskoy gubernii* [Commemorative book of St. Petersburg Province]. St. Petersburg: [s.n.].

18. *Istoricheskiy vestnik*. (1908).

19. Dmitriev-Mamonov, A.I. & Golodnikov, K.M. (1884) *Pamyatnaya knizhka Tobol'skoy gubernii* [Commemorative book of Tobolsk Province]. Tobolsk: Tobol'skiy gubernskiy statisticheskiy komitet.

Информация об авторе:

Пугачев В. В. – д-р филол. наук, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и издательского дела Башкирского государственного университета (Уфа, Россия). E-mail: walp1@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V. V. Pugachev, Dr. Sci. (Philology), professor, Bashkir State University (Ufa, Russian Federation). E-mail: walp1@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 8.10.2022;
одобрена после рецензирования 1.06.2023; принята к публикации 10.06.2023.*

*The article was submitted 8.10.2022;
approved after reviewing 1.06.2023; accepted for publication 10.06.2023.*